

Жан Габен. Актер удивительного обаяния, со скупой манерой игры, он покорял в любой роли. Такова уж природа истинного искусства — мы нередко отождествляем экранного героя и исполнителя, отсюда во многом и интерес к личности актера, его судьбе.

У нашего зрителя такой интерес к Габену всегда был огромен, но вот книги о нем у нас не было. Как, впрочем, долгое время не было ее и во Франции. Появилась она лишь спустя десять лет после смерти актера, занимавшего неоспоримое первое место во французском и европейском кино. Написал ее Андре Брюнелен, человек, друживший с Габеном более двадцати лет, бывший одно время его пресс-секретарем. Еще в начале знакомства с Габеном он говорил, что напишет мемуары. Мемуаров не получилось получилось удивительное повествование, где голос Габена перемежается с голосами других людей — его близких, друзей, знакомых...

И можно только порадоваться тому, что издательство «Искусство» решило выпустить книгу Андре Брюнелена, фрагменты из которой мы и предлагаем

ROBERT LAFFONT

Разговор мог бы начаться и хуже. Три слога, оброненные низким, рокочущим голосом, который я очень хорошо знал,

хотя до сих пор слышал только с экрана. Я ждал ворчливого

«От кого?» и заранее сказал себе: «Поспеши огорошить его,

я живу. Семь часов вечера, телефон стоит на краю стойки. Меня толкают посетители, спешащие заказать аперитив. Ря-

дом девушка, готовая отдать жизнь ради выигрыша во флиппер. Она суетится, трясет аппарат и издает истерические кри-

ки, наблюдая за непредсказуемым бегом стального шарика.

Меня подмывает крикнуть: «Тихо! Заткнитесь, я говорю по телефону с Жаном Габеном!». Но мне вряд ли поверят.

Нормально, я бы и сам с трудом... Однако я произношу

Это немного похоже на шутку из фильма Жана Ренуара, и я слышу короткий смешок Габена. Я бросаюсь в расщелину

и поспешно излагаю свое дело: видите ли, я занимаюсь кино-

клубом в Аржантее и подготовил вечер, где будут демон-

стрироваться отрывки из его лучших довоенных фильмов.

Мол, Жак и Пьер Превер посоветовали позвонить ему, счи-

— Я звоню вам от имени братьев Превер!..

Идет 1952 год, мне двадцать шесть лет, и я звоню Жану Габену из бистро, что в парижском пригороде Аржантей, где

___ МЕСЬЕ Жан Габен?..

— Я самый..

пока он не повесил трубку!»

в трубку:

-Андре Брюнелен:

 У меня было ощущение, что собрались старые кореши. пришедшие поздороваться со мной и пожелать успеха!

Но пока он взвинчен и идет сквозь толпу, приветствуя людей легкими кивками головы. Его губы поджаты до белиз-

ны, и ему едва удается выдавить из себя улыбку. Подталкивая его в зал, я бормочу про себя, что его Голгофа — а это именно так и выглядит — закончилась. Заблуждение. Он вдруг каменеет, оказавшись перед пятьюстами зрителей,— я ни разу не видел в зале столько публики, которая разом встает и устраивает ему овацию. Я поражен, заметив невероятное смущение, которое Жан испытывал всю свою жизнь в связи со своей популярностью, и в будущем я не раз был тому свидетелем. Из-за робости, из-за скромности он всегда с трудом переносил то, о чем мечтает каждый актер. Однажды он мне сделал такое обескураживающее при-

— Не могу объяснить... Мне кажется, что все эти аплодисменты адресованы кому-то другому, а не мне... Я стою, принимаю их и повторяю себе, что не должен этого делать, что это неприлично...

Я веду его на место среди зрителей рядом с Пьером Превером, другом и завсегдатаем нашего кино, и Клодом Эйманном, постановщиком «Виктора», снятого годом раньше. Габен хотел тут же усесться на свое место, но вынужден, держа в руке мятую шляпу и перекинув через плечо пальто, вежливо приветствовать механическими кивками окружающую его со всех сторон публику, которая упорно остается на ногах и хлопает в ладоши в его честь. На его лице похожая на гримасу улыбка Я бросаюсь ему на помощь и, махая руками, прекращаю овацию. Он бросает на меня признательный взгляд и с облегчением опускается в кресло, словно желает утонуть в нем. Я произношу несколько вступительных слов и сажусь рядом с ним

— Лучше! Весьма мило, но я ожидал, что будет не больше

шестидесяти человек.. — У нас всегда столько народа, — сообщаю я, не погрешив

против истины. Он окидывает взглядом обшарпанный зал. Кинотеатр был возведен незадолго до начала войны, в тридцать девятом году на месте склада зерна и кормов. Иногда, когда крутят немые фильмы при почтительном молчании нашей тощей публики, под экраном пробегают крысы, возможные отпрыски тех, кто раньше пировал в зерноскладе. Так случилось и в тот вечер, когда показывали «Вампир Носферату» Мурнау. Эф-

Надо думать, что в тот вечер все поняли Жана Габена, поскольку, оценив его простоту, публика решила дать ему уйти — я едва не написал... убежать, — не пожалев на прощание аплодисментов.

А я понял, что этот человек с обнаженными нервами, чьи невероятные скромность и робость мешают ему говорить перед публикой, умеет высказать главное в нескольких

Позже, прощаясь у дома, Жан Габен по-простому говорит — Позвоните?.. Заходите на студию, когда пожелаете... До-

говорились? Я пообещал. Правда, не питая особых иллюзий, поскольку под влиянием эмоций, испытанных им в этот вечер, его приглашение было искренним, но я считал, что для такого человека, как он, подобное событие должно быстро забыться, впрочем, как и его виновник. Я также находился в плену легенды, по которой у Габена были дни хорошего и дурного настроения, и что последние случались гораздо чаще. Мне повезло попасть на пару «добрых» дней Габена: тот, когда я ему позвонил, и тот, когда он ответил на приглашение.

ВРЕМЯ шло, а я вроде и не собирался откликнуться на его приглашение. До того дня, пока не принесли пачку фотографий, сделанных в памятный вечер. Я подумал, что любигельские фотографии могут доставить ему удовольствие.

Позже я узнал, что Жана совершенно не волнуют его фотопортреты До такой степени, что — исключительный случай и актера, естественно склонного по роду профессии к некоторому нарцисизму (к нему это не относилось),— ни в одном его жилище я никогда не видел его фотографий.

Я решил отправиться в студию для передачи ему фотографий. Он только что начал сниматься в фильме Жоржа Лакомба «Их последняя ночь». Он встретил меня с такой теплотой и удовольствием, что я едва не засомневался в истинности легенды о «плохих» и «хороших» днях Габена. Для меня везение продолжалось. Он представил меня всем на съемоч-

ной площадке примерно в следующих словах:
— Он занимается киноклубом в Аржантее... Крайне интересно... Там показывают старые фильмы, даже немые... Только хорошие... Вы меня знаете, я не люблю выставлять себя напо-каз, но там другое дело... Отменная публика, которая не наседала с дурацкими вопросами... Все просто, и я - вы знаете мою любовь к речам — рассказал им про свою жизнь...

Он немного преувеличивал по поводу рассказа о своей жизни, но, похоже, был горд, показывая крохотные фотографии, принесенные мною, на которых было видно, что он оворит, сидя среди зрителей.

Этот день стал началом нашей дружбы, продолжавшейся почти двадцать пять лет. Я вскоре стал проводить с ним долгие часы в студии и в других местах, наблюдая, как он играет, как живет, слушая его рассказы о своей жизни, и прошлой, и той, которую проживал ежедневно.

За годы дружбы я узнал множество «плохих дней» Габена. Некоторые из них были просто чудовищными! Но как и в первый день, «хороших» и даже «очень хороших» оказалось предостаточно.

Я появился в нужный момент, и вот почему он, как я предполагаю, с легкостью включил меня в свой привычный мир. Я был из другого поколения — и намного моложе его близкого окружения, - а мой взгляд на кино не всегда совпадал с его. Быть может, его интересовало подобное столкновение. Наша дружба еще более окрепла во время частых и вну-

шительных обедов у него дома или в ресторанах, откуда нас

выгоняли лишь настоятельные просьбы хозяев, поскольку мы

обычно забывали о часе закрытия заведения. Сколько прекрасных вечеров проведено в его компании! Слушая его рассказы о родителях, о детстве, о неуверенных шагах в начале жизни, наконец, о карьере, я решил

записывать их, когда возвращался домой — А что если я напишу книгу о вас, Жан? — как-то осто-

рожно спросил я его — А кого она будет интересовать?

- Многих.

Сомневаюсь, но если вам не скучно, валяйте, на собственный страх и риск. Только предупреждаю вас, не слишком наседайте на меня с этим!..

Итак, я решил написать эту книгу. День за днем и во время разговоров на общие темы Жан делился частичками своего прошлого, выдавая их навалом, без всякого порядка, говоря жизни, о своей карьере, о людях и вещах. В этом не было ничего предумышленного. Как если бы идеи книги вообще не существовало ни в его, ни в моей голове. К тому же он ни разу не вспоминал о ней. Однажды, это было в 1955 году во время съемок «Простых

людей» Анри Вернея, я пришел, как бывало часто, в студию, поскольку мы собирались отобедать вместе, как он говари вал, «среди мальчишек».

Пока он снимал грим в своей уборной, я сказал, что хочу почитать ему текст.

— Ваши воспоминания...

 — О! Не морочьте мне голову с этим!.. — Надо, Жан... Я слушал вас, и мне необходимо ваше со-

гласие... Дел-то всего на час...

- Целый час!.. Нет, увольте, я еще имею клыки!.. Надувшись, он рухнул в кресло с пачкой сигарет и полным стаканом виски. Я уселся перед столиком и начал читать, сам не зная, зачем делаю это. Текст был не окончательный, нечто

вроде черновика, без плана, где я говорил о его родителях, о его детстве, о его театральном и кинематографическом дебюте. К этому добавились разрозненные сюжеты о различных периодах его жизни, которые он когда-то мне рассказал Стол был прикреплен к стене, а потому я был вынужден читать, сидя спиной к нему. Это было неплохо, поскольку

я в основном пытался разобраться в своих записях, а потому не старался уловить его реакцию. И с некоторым опасением повторял про себя, что вскоре узнаю ее... Чтение этого черновика на ста пятидесяти страницах затя-

нулось дольше, чем я предполагал. Однако он ни разу не перебил меня и ни разу не выказал нетерпения. Я только слышал за спиной, как он изредка чиркал спичкой, закуривая очередную сигарету. Окончив чтение, я не сразу решился посмотреть на него

и нарочито долго собирал свои бумажки. Наконец обернулся: он где-то витал и одновременно присутствовал здесь, его покрасневшие глаза свидетельствовали, что он весь был в переживаниях.

— Это хорошо... хорошо... наконец произнес он глухим срывающимся голосом.

И тут же встав, в свойственной ему манере скрывать эмо-

ции проворчал: Теперь из-за ваших дуростей придется есть не вовремя!..

Я был настроен написать книгу, но моя тогдашняя занятость постоянно вынуждала меня откладывать проект на будущее. Я считал, что время есть и что ничто меня не подгоняет. Конечно, я продолжал регулярно встречаться с Жаном. День катился за днем, и незаметно текли годы. Мы больше не говорили о книге. Только его жена Доминик изредка спрашивала: «А как поживает книга?» Я уверился в том, что Жан забыл о ней или не хотел ею заниматься. Сегодня я знаю, что ошибался. Он говорил о ней, но не со мной, С Доминик, Ему случалось, вспоминая о книге, произнести с улыбкой: «Мои Мемуары». А тем, с кем работал,— я тоже был свидетелем этих времен — он бросал такие угрозы: «Только погодите. Когда Брюнелен выпустит мои Мемуары, вашей башке не поздоровится!..»

Иногда вспоминая об этой возможной книге, я ощущал неловкость. Когда Жан дал свое согласие, мы еще плохо знали друг друга, и тогда я считал, что по праву некоторой естественной разницы между нами мог написать такую книгу. С тех пор многое переменилось. Теперь я был в ситуации человека, могущего воспользоваться близкими отношениями, крепнувшими по воле обстоятельств. Книга могла стать от этого богаче подробностями, но мне казалось, что предоставленная мне свобода действий уже не соответствовала

новой ситуации. Почему же я выпускаю эту книгу сегодня?

Хотя прошло десять лет со дня его смерти, Жан по-прежнему живет в моей памяти Одного этого было бы достаточно. Но дело в том, что безжалостное течение времени установило между нами новую дистанцию, превратив меня в биографа, а такая степень свободы не имеет ничего общего с той, которую бы он мне предоставил при своей жизни.

Было бы злоупотреблением называть ее «Мемуарами», как с иронией и изрядной долей издевки говорил Жан, тем более что «Мемуары» фрагментарны и не окончены.

Однако в большей ее части по-прежнему слышится его голос, как это и предусматривалось сначала — иногда это рассказ от первого лица, иногда — диалог...

Я прекрасно знаю, сделав невероятное предположение, что Жану дано узнать о написанной мною книге с нем, он не преминет сделать вывод на уровне своей скромности и той философии, на основании которой оценивал людей и события — Ну и хренятина!

Вступительное слово и перевод с французского А. ГРИГОРЬЕВА.

«Ради Габена хоть на Луну...»

жаю к Габену. Он сам открывает калитку сада собственного дома и приглашает нас в гостиную. Он любезен, улыбается, но тут же заставляет меня поклясться, что ему не придется произносить речей. Я клянусь во всем.

— Поймите, я не умею говорить на публике, это выводит меня из себя, поэтому не устраивайте мне такой подлянки... Он одет в черный пуловер из кашемира, на шее небрежно повязан фуляр из темного шелка. На нем серые фланелевые брюки и твидовый пиджак от «Барберри».

Мы с приятелем упакованы в воскресные костюмы. На нас белые рубашки, галстуки. Все это куплено в «Дешевом счастье», самом шикарном магазине нашего квартала. - Я не думал, что этот вечер требует светских одежд,-

лукаво поглядывая на нас, произносит Габен как бы извиняясь за свой «будничный» наряд. — В такой одежде вы не будете выделяться среди мест-

ных, — ляпает мой приятель-учитель, намекая на то, что у нас рабочий квартал. Он близорук и не может отличить пуловер, купленный на

рынке Аржантея, от пуловера от «Хилдиша и Кея» Габена. — Могу переодеться, — тут же заворчал Габен, несомненно, оскорбленный тем, что его подозревают в поисках дешевой популярности.

По тону делаю перевод: «Если будете, так продолжать, могу изменить свои планы и остаться дома!». Я спешу прервать этот диалог на тему моды и уверяю его, что все На улице, увидев новехонький «рено», Габен не в силах

сдержаться. Его восклицание повергает меня в ужас: - Черт подери! Мне нужен рожок и тюбик вазелина, чтобы

втиснуться внутрь, и штопор, чтобы выбраться!.

Мой приятель, гордящийся своим автомобилем, расстраивается, Габен успокаивает его, весело усмехается и не без труда втискивается на переднее сиденье, поджав колени к подбородку. Я устраиваюсь сзади. Позже я узнал, что он ненавидит маленькие автомашины, что вообще ненавидит все что узко, что ему просто необходимо располагаться с удобством, ибо он страдает клаустрофобией в тесном простран

Но в тот вечер мы попали на «доброго Габена», ибо он высказал свое неудовольствие только тем, что, усевшись, расстегнул верхние пуговицы брюк, -- впрочем, позже я узнал, что его жест не имел никакого отношения к тесноте машины, а был привычкой: он делал это, как только садился.

Я посоветовал приятелю ехать помедленнее, поскольку тот недавно сдал на права. Совет был излишним.

От ощущения, что рядом сидит знаменитейший человек, он ни разу не превысил скорости в пятьдесят километров. Мы плелись от Нейи до Аржантея со скоростью омнибуса, и я опасался, что Габен от неудобств взбунтуется, как и я. Я ошибся. Он был внешне доволен таким сенаторским выездом. И снова могу сказать, что позже узнал: он ненавидит скорость и за рулем машины ведет себя с осторожностью умудренного жизнью кота. - Вы увидите Аржантей, это немного...- начал я безопас-

ный разговор, чтобы скоротать казавшееся мне бесконечным

 — Я знаю.— перебил меня Габен.— вернее. знал... Когда я был франтом, я, бывало, околачивался в «Солей д'ор»... Он еще существует?.. Немного удивленный, я сказал, что мы проедем мимо, но

здание было разрушено во время войны... — Как классно мы там отплясывали...— начал рассказывать

Габен.— Музыканты сидели на лоджии над танцплощадкой. Чистое убежище для краснокожих... По вечерам в субботу туда приходили подрыгать ногами и рабочие, и все кончалось потасовками... Хозяин в конце концов привинтил столы стулья к полу, но так и не нашел решения для бутылок и стаканов... Во время драки все звенело... Иногда я ходил в «Мулен де ля Галетт» на холмы... Там было потише... Он имеет в виду «Мулен де Саннуа» на границе Аржантея

- Помню... Туда надо было подниматься сквозь виноградники и поля спаржи... Мы там пили сидр и заедали лепешка. ми, отменное лакомство... Это еще существует?

Объясняю, что виноградников и полей спаржи поуменьши лось, берет верх городская цивилизация, но весной еще встречается знаменитая аржантейская спаржа — настоящая, а осенью несколько уцелевших виноградарей угощают в мэрии белым винцом. (Увы, эти времена давным-давно прошли). Что касается «Мулен де ля Галетт», то там до сих пор танцуют пьют сидр и едят лепешки...

— Странно, — печально вздыхает Габен, — я думал, что ничего этого давно уже не существует.. Вообще-то я сам переменился... Постарел...

Я вижу, что Аржантей пробуждает в Габене счастливые воспоминания о молодости, и понимаю, что места, по которым мы едем, оказались решающими в его согласии на встречу. К тому же в этом человеке меня удивляет все. Он прост. приятен, тепло относится к нам. Ничего общего с легендой по крайней мере той, что состряпана прессой, и теми, кто поверхностно соприкасался с ним в профессиональном плане. Они представляют его человеком трудным, малообщитель ным, нечто вроде медведя с постоянно дурным расположением духа.

РИБЫВ к кинотеатру, где должен был состояться сеанс, я с облегчением констатировал, что бригада моих приятелей поработала на славу: «ВО ПЛОТИ» исчезло с афиш под жирными мазками черной краски, потеки которой свидетельствовали о ее свежести. Габен наверняка бы не обратил внимания на гротескное выражение, ибо я чувствую, как он сжался, увидев в неоновых сполохах перед кинотеатром ожидающую толпу, которой не нашлось места внутри. — Неужели придется пересечь «это»? — с волнением вос-

клицает он. Опустив шляпу на глаза, Габен выдирается из «рено», застегивая брюки. Его поджатые губы выдают замешательство. Он следует за мной сквозь толпу, приветствующую его аплодисментами, но не напирающую на него. Ему кричат: «Браво, Габен!» — и даже по-приятельски: «Салют, Жан!». Я боюсь, как бы его не остановили, чтобы потребовать автограф. Но нет, народ оказывает ему достойный прием. Он

В конце вечера он мне сказал:

фект был ужасающий!. На боковых стенах зала огромные выцветшие портреты, нарисованные местным «художником» которые должны изображать некоторых кинозвезд с международной репутацией. Габен указывает мне на одно лицо между Гари Купером и Мирной Лой.

— А это кто такой?

ва, как в обычном разговоре:

— Ну и ну! — его сотрясает смех, и он наконец-то расслаб-

ляется. Целый час один за другим идут отрывки из фильмов «Пепе ле Моко», «Знамя», «Набережная туманов», «Человек-зверь» и других После каждого отрывка раздаются аплодисменты Вторая часть вечера посвящена демонстрации ленты «День

Сеанс завершился продолжительной овацией. Безусловно, люди оценили высочайшее качество фильмов, но она гремит в адрес того, кто играет в них, чья личность накладывает на них свой отпечаток.

Я чувствую, что Габен находится под сильным впечатлением того, что смотрел три часа. До сегодняшнего дня он ни разу не видел — впрочем и никто другой, — такого объединения основных кадров из его фильмов Он даже сказал мне, что многие фильмы не смотрел с довоенной поры. Он в шоке от открытия и не сразу приходит в себя. Однако решается встать и приветствовать собравшихся тем же манером, что

в начале вечера. Он еще больше смущен Зал затихает. Все, конечно, ждут, что он будет говорить как любой актер и режиссер, приходящий к нам, но усаживается на место и глядит на меня с видом побитой собаки.

Мсье Габен, — обращаюсь я к нему, повысив голос чтобы слышали все,— вы заставили меня поклясться, что вам не придется говорить... К моему величайшему удивлению он подхватывает мои сло-

 Хм, а что вы хотите услышать от меня после всего этого? Спасибо... Спасибо всем присутствующим, потому что вы все сделали мне необычный подарок, о котором я не забуду..

Он говорит, сидя и глядя на меня, своего собеседника, но через меня его слова адресуются всему залу. Я опасаюсь как бы публика с задних рядов не начала кричать «Встаньте! Вас не видно!..» Его бы это возмутило, и очарованию пришел бы конец. Но никто не шелохнулся. Среди глубокой тиши ны голос Габена с легкостью доносится до самых последних рядов. Зрители с передних рядов и сидящие по бокам хорошо его видят, даже не приподнимаясь с места. Кое-кто из сидящих поодаль привстает, но я ожидал худшего. Но нет Люди на цыпочках движутся по проходам, останавливаются, слушают и смотрят на Габена. Удивительная атмосфера, но он не осознает этого. Он вдруг забыл о присутствии пятисот человек. Он говорит...

- Поймите, я не знаю, какое впечатление это произвело на вас, когда вы смотрели и пересматривали эти фильмы, но для меня они были ужасной встряской... Я доволен, но в то же время повторял себе, что не так уж приятно думать, что этот тип на экране мог бы быть моим сыном... Я в это время даже забыл, что это я сам... Без шуток!.. Из-за голоса... Он изменился... Ну, конечно, и рожа... (Он смеется). Вы анализируете все это... Историю, постановку, игру актера.., Но я, по прошествии лет, видя некоторые сцены, говорю себе, что мог бы сыграть их иначе... Там я сделал лишний жест, вполне хватало одного взгляда, а там я взял неверный тон... Но в общем-то не это важно для меня... Важно то, что я ощутил, но об этом трудно говорить, это... как бы вам сказать... слишком интимно... Это часть моей жизни, вы понимаете?...

тая, что это его заинтересует... — Спасибо, это очень мило с вашей стороны, но когда состоится эта ваша штуковина?.. Он вежлив, но меня терзает мысль, что из этого обмена фразами я извлеку лишь удовольствие от единственного в жизни разговора по телефону с Жаном Габеном. В будущий вторник...— роняю я Готов спорить, что знаю ответ. – Н-да, не повезло! Я уезжаю из Парижа в воскресенье.. Я выиграл пари у самого себя, однако расстроен.

— Я должен присоединиться к жене на юге... Вы не може те перенести свой сеанс?... Он разыгрывает меня, я уверен в этом! Жаль, что не могу поймать его на слове, но кинозал у нас только в те дни, когда нет сеанса, а к тому же я должен вернуть бобины с пленками не позднее среды.

Он замолчал Его молчание так раздражает меня, что я го-тов прервать его, сказав: «Не мучайтесь, я не сомневался, Могу ли я вам перезвонить через час? — вдруг раздается

- Понимаю. Глупо, но вы застали меня врасплох...

— Лучше я сам перезвоню...— с недоверием отвечаю я. — Как пожелаете... Значит, через часок?.. Он вешает трубку. Я тоже. Девушка радуется выигрышу.

Уверен, из-за братьев Превер он миндальничает со мной

тить эту вашу штуковину.

— Скорее мне не повезло...

А что выиграл я?.. Ни капли сомнения — еще целый час болтаться здесь за просто так. Кроме того, из-за этой идеи пригласить на вечер Габена я задержал заказ афиш в типографии. Придется мне с приятелями расклеивать их за три дня до сеанса, будет Габен или не будет. Опять провозимся целую ночь среди ребят из Компартии — они, как и мы, ночные гуляки с кистями и ведрами клея. Час прошел, и я без особой охоты вновь набираю номер

Габена. — Я только что дозвонился до жены... Она немного дуется, но встречусь с ней лишь в среду, а значит, смогу посе-

Я не верю собственным ушам. — Но есть одна проблема... Я без колес, тачку забрала жена.. Вы можете заехать за мной? Да я полечу за ним на Луну, если он вдруг окажется там Голько подумайте — доехать до улицы Эдуар-Нортье в Нейи!..

Я несусь в типографию и наспех сочиняю текст большой афиши. Раз надо так надо — Габен в Аржантее, такое должно наделать шуму. Но не так легко убедить людей, что... «Что Жан Габен собственной персоной будет участвовать в... будет присутствовать...

будет председательствовать на сеансе...» Короче говоря, я поспешно подыскиваю самую ударную формулировку, а когда нахожу, то от радости не замечаю ее ужасающей нелепости. Расклеенные в следующую ночь афи ши выглядят на стенах домов впечатляюще, и я по-прежнему не вижу в них ничего шокирующего.

Отныне у меня иные заботы. Поскольку я быстро согла-

сился, что заехать за Габеном нетрудно, надо найти выход,

хотя у меня нет ни машины, ни телефона, как, впрочем, и у мо-

их друзей. Правда, отец одной из приятельниц обзавелся «пе-

жо», но я не понимал, почему машина работает на наком-то газе. Ничего страшного, если все оборудование было бы скрыто. Но на крыше укреплены похожие на снаряды «берты» громадные баллоны, придающие автомобилю устрашающий вид некоей военной машины, опасной и для ее пассажиров. Меня терзает предчувствие, что мне с трудом удастся убедить Габена, будто эти пушкообразные колбасины на «пежо» совсем не опасны, хотя я в этом до сих пор не уверен. Позже, узнав его, я часто думал, что интуитивно правильно поступил в тот день, отказавшись от танка «пежо», ибо, хотя Габен

диться в этот почти военный экипаж. И тогда я бы не узнал К счастью, один из приятелей, учитель, чья мизерная зарплата имела неоспоримое преимущество перед моей в том, что была регулярной, только-только приобрел один из первых «рено» Итак, все устроилось, и мы были готовы принять

и командовал танком во время последней войны, возвращать

ся в армию не хотел и предпочел бы остаться дома, а не са-

идола наших юных лет. В тот вечер, когда должен состояться сеанс, я, перед тем как отправиться в машине приятеля-учителя за Габеном, не без гордости бросаю последний взгляд на афиши, которые возвещают о приезде именитого гостя.

— Стой! Тормози! Вылезаю из машины и ошарашенно разглядываю афишу. Имя Жана Габена на нужном месте набрано жирными красными буквами - оно впечатляет, но еще больше впечатляет меня в это мгновение мрачное словосочетание, следующее

Моим глазам открывается истина, и я в ужасе кричу прия-

«ВО ПЛОТИ» Габен во плоти! Я раздражен собственной «находкой»! Почему я не добавил тогда! «Жан Габен, актер парижских театров и кино» или «знаменитый и хорошо известный актер». Короче говоря, Габен не должен видеть эдакого ляпа. Я вбегаю в кафе, звоню товарищу и ставлю перед ним военную задачу - мобилизовать всех и любыми средствами стереть в течение часа «ВО ПЛОТИ» с афиш, которые могут попасться на глаза Габену во время поездки по городу и, конечно

Почти успокоившись, я вместе с приятелем-учителем приез

с тех, что украшают витрину кинотеатра.